

Кшиштофу Пендерецкому напомнили о душе

Коммерсантъ. — 2003. — 4 авг. — с. 13.

премия музыка

На ежегодном музыкальном фестивале в швабском городке Гмюнд объявлен лауреат Европейской премии за духовную музыку. Лавры и 5 тыс. евро отошли знаменитому польскому композитору Кшиштофу Пендерецкому. Комментирует СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Сейчас maestro Пендерецкий помимо статусов польского национального достоинства и мировой знаменитости просто довольно дорогостоящий автор умеренно модернистских опусов на разные общественные случаи. На 850-летие Москвы, например («Оратория для хора с церковными колоколами»), или на открытие Главных ворот Зимнего дворца (оратория «Семь ворот Иерусалима»); есть заказчики и покрупнее — уровня ООН.

А когда-то, ух, до чего зубастый и колючий был композитор. Преподавал, оставаясь гражданином социалистической Польши, в Западной Германии и США. Приемы полюбил заведомо не слишком массовые (благо польская компартия не вела борьбы с формализмом в музыке): ритмодекламация, вопли и стоны, засилье ударных инструментов, шумовые эффекты; одно из его инструментальных сочинений 1960-х, например, зовется «Канон для оркестра и магнитофонной ленты». Но, конечно, не эти общие места тогдашнего европейского авангарда сделали из Кшиштофа Пендерецкого брэнд, тем более что тогдашние модные тенденции — сериализм, скажем, или сочинение «наугад» — быстро ему прискучили. Этот брэнд появился в 1960-м, когда впервые исполнили его «Плач по жертвам Хиросимы» для струнных. Другой бы на таком «Плаче» и остановился — польский композитор, однако же, заставил прослушать этот плач зное количество нездоровых людей и затем по материалам их энцефалограмм (которые снимались в момент прослушивания) написал некий, видимо, эпизод к «Плачу» под названием «Полиморфия» (там, между прочим, употреблялись постукивания по декам инструментов и игра с помощью карандаша вместе смычка).

Где-то с этих энцефалограмм и потянулась слава композитора как автора ораториальных и духовных произведений. В частности, «Страстей по Луке», написанных в 1965–1966 годах в честь 700-летия Мюнстерского собора — этими же «Страстями», кстати сказать, композитор дирижировал и на нынешнем Гмюндском фестивале. Еще были «Te Deum», «Магнификат», «Заутреня» (на церковнославянские литургические тексты), «Псалмы Давида», «Песнь песней»... К ним можно относиться по-разному. Некогда — в те времена когда польские записи произведений композитора относительно часто бывали на советских прилавках — они воспринимались, вероятно, как нечто совершенно недостижимое по своей «продвинутости». Такой европейской. Такой элитарной. Сейчас коммерческий спрос на него куда менее значителен (благо нынешние музыкальные прилавки смотрятся куда менее диетично), а произведения последних лет десяти удивляют несколько парадоксальным крендом: все больше всемирной отзывчивости, все больше обобщений, все больше риторики, все больше величия и все больше скуки. Изменится ли композитор, сумевший написать оперы и на сюжет «Короля Убю» Жарри, и на сюжет «Потерянного рая» Мильтона? Достанет ли его всегдашней запальчивости на очередной вольт в восприятии собственного творчества? На этот вопрос, правда, можно невежливо ответить вопросом: а кому это нужно? Вряд ли композитору, примирившемуся с ролью единственного наследника всего XX века в музыке: ему все равно — дальше тишина пусть будет. И вряд ли публике. Публика вспоминает про энцефалограммы, магнитофонные ленты, трупшу «Ла Скала», единственный раз за всю историю человечества выступавшую перед папой римским Иоанном Павлом II (как раз с «Потерянным раем»). И дарит награды, их много, и они значительны: лучший автор духовной музыки-2003 — это довольно скромно на фоне «Грэмми» или каннской премии лучшему из ныне живущих композиторов. Но зато премия более своевременна: в ноябре композитору стукнет 70.